

- 35 ЦГАВОВУ. Ф. 3206. Оп. 6. Д. 41. Л. 80.
36 ГАКиєво. Ф. Р-2421. Оп. 1. Д. 55. Л. 4.
37 ЦГАВОВУ. Ф. КМФ-8. Оп. 1. Д. 101. Л. 364.
38 ЦГАООУ. Ф. 57. Оп. 4. Д. 132. Л. 75, 76.
39 Там же. Л. 60.
40 Там же. Ф. 1. Оп. 22. Д. 95. Л. 3–5, 7–16.
41 *Бондар В., Величко О., Козлова І.* Запоріжжя під владою окупантів (за спогадами й свідченнями очевидців, учасників руху Опору на території області у 1941–1943 рр.) // Архіви України. 2005. № 1–3. С. 270.
42 ГАВолынО. Ф. Р-69. Оп. 1. Д. 313. Л. 13, 35, 50.
43 ЦГАООУ. Ф. 57. Оп. 4. Д. 132. Л. 60.
44 ГАКиєво. Ф. Р-2412. Оп. 1. Д. 2. Л. 23, 24.
45 «То була неволя...». Спогади та листи «остарбайтерів» / Упор. Т. Пастушенко, М. Шевченко. К., 2006. С. 392.
46 ГАВолынО. Ф. Р-69. Оп. 1. Д. 313. Л. 39, 42, 43, 67.
47 Вінницькі вісті. 1942. 9 серпня.
48 ЦГАООУ. Ф. 57. Оп. 4. Д. 106. Л. 17.
49 Там же. Ф. 1. Оп. 23. Д. 124. Л. 73.
50 Дніпропетровська газета. 1942. 29 жовтня.
51 ЦГАООУ. Ф. 57. Оп. 4. Д. 132. Л. 99.
52 Дніпропетровська газета. 1942. 27 жовтня.
53 ЦГАООУ. Ф. 57. Оп. 4. Д. 132. Л. 96.
54 ЦГАВОВУ. Ф. КМФ-8. Оп. 2. Д. 579. Л. 18.
55 См.: *Сеняевская Е.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С. 268.
56 ЦГАООУ. Ф. 57. Оп. 4. Д. 125. Л. 35–37.
57 ГАКиєво. Ф. Р-2412. Оп. 2. Д. 56. Л. 33; ГА СБУ. Ф. 6. Д. 74843 фп. Л. 54.
58 *Болібок П.* Моє дитство в окупації // Одинадцята всеукраїнська наукова конференція «Велика Вітчизняна війна: маловідомі сторінки історії, імена, події» Київ–Хмельницький 14–16 жовтня 2004 р.: Збірник доповідей і повідомлень / Відп. ред. П. Т. Тронько. К.; Кам'янець-Подільський, 2004. С. 300, 302.
59 ГА СБУ. Ф. 6. Д. 67163 фп. Л. 19.
60 ГАКиєво. Ф. Р-2356. Оп. 6. Д. 58. Л. 11, 13.
61 Там же. Л. 5, 6, 13.
62 Там же. Ф. Р-2362. Оп. 6. Д. 44. Л. 28.
63 Там же. Ф. Р-2412. Оп. 2. Д. 37. Л. 4.
64 ГА СБУ. Ф. 6. Д. 72382 фп. Л. 16, 17.
65 Там же. Д. 72896 фп. Л. 18.

Д. В. Спирин
Москва

Проблема Второго фронта во взаимоотношениях «Большой тройки»

Дипломатия периода Второй мировой войны уже в течение нескольких десятилетий является предметом исследования большого количества отечественных и зарубежных специалистов, сторонников различных подходов к исследуемой проблематике и самых разнообразных методологических парадигм.

Опыт складывания антигитлеровской коалиции по-своему уникален. Отношения, даже между США и Великобританией, оставались весьма напряженными вплоть до подписания главами этих государств Атлантической хартии 14 августа

1941 г. В то время, как Советский Союз внезапно и коренным образом изменил свой статус для этих стран 22 июня 1941 г.: крупнейшую социалистическую державу в силу необходимости консолидации сил в борьбе с гитлеризмом вынужденно признали союзным государством на период войны.

Проблема личностного фактора во взаимоотношениях как политических элит СССР, Великобритании и США в военные годы, так и различных социальных слоев трех держав активно разрабатывается в современной историографии. В отечественной историографии проблема взаимоотношений союзников в тех или иных аспектах освещалась преимущественно в общем плане, в рамках истории Второй мировой войны. Основное внимание уделялось дипломатическому и военно-политическому тематическим блокам. В большинстве существующих в настоящий момент работ, прямо или косвенно затрагивающих исследуемую нами проблематику, речь идет об аналитических исследованиях, методологически проводимых на базе исторической антропологии и социокультурной истории¹. В то же время, совмещение данных аспектов с целью анализа трансформации взаимовосприятия крупнейших политиков в процессе диалога по ключевым, наиболее дискуссионным и актуальным для государств — членов антигитлеровской коалиции вопросам представляется необходимым с точки зрения восполнения существующих пробелов в истории отечественной внешней политики периода Великой Отечественной войны. Все более популярным становится новое направление в историографии, связанное с исследованием проблем взаимовосприятия различных общественных слоев государств-союзников².

В центре нашего внимания — проблема личного контакта: его особенности, формы, влияние на развитие взаимного восприятия союзниками друг друга. Основной акцент сделан на изучение проблемы взаимодействия политиков на высшем государственном уровне (Председатель СНК СССР И. В. Сталин, Президент США Ф. Рузвельт, премьер-министр Великобритании У. Черчилль), а также на уровне ведущих дипломатических представителей трех стран в период войны.

Этим сюжетам уделяет внимание Г. Киссинджер³ в своей работе «Дипломатия»⁴, получившей в 1994–1995 гг. статус национального бестселлера в Соединенных Штатах Америки. На его идеи во многом опираются также многие из современных западных исследователей. Автор делает акцент на выявлении и исследовании психологического аспекта в личных взаимоотношениях И. В. Сталина, В. М. Молотова, У. Черчилля, Ф. Рузвельта, а также А. Гитлера. Каждому из них Г. Киссинджер присваивает определенный «тип ментальности» — и на основании этого предполагает, каким образом эти типы соотносились между собой в реальности, и в чем именно данный фактор мог найти свое отражение. Итогом данного анализа стал вывод, согласно которому «лик Сталина» был в большей степени идентичен «психологическому портрету» Гитлера, — что априори упрощало как их заочную коммуникацию, так и диалоги, консультации по важнейшим политическим вопросам с участием их доверенных представителей. В то же время, предпринимавшиеся в течение 1930-х гг. попытки налаживания дипломатических контактов СССР с будущими партнерами по военному альянсу именуется автором поисками «союза от безысходности»⁵. Исходя из этого, он формирует свое отношение к перспективам широкой коалиции «противостояния и сдерживания». В этом отношении Г. Киссинджер солидаризируется

с Р. Легвольдом, утверждавшим, что И. В. Сталин стремился добиться, прежде всего, максимального содействия своим стратегическим замыслам со стороны капиталистического мира, а не искал примирения с ним.

В качестве альтернативного взгляда на интересующую нас проблематику, сформированного на основе методологии исследования, более свойственной позитивистской парадигме, можно рассматривать монографию Г. Фейса⁶. По мнению автора, реальная необходимость объединения и непременно совместной координации проводимых военных кампаний и операций тремя союзными державами возникла лишь в январе 1942 г. С этого момента Г. Фейс структурирует хронологические рамки Второй мировой войны на условные четырнадцать периодов, каждому из которых посвящена отдельная глава исследования. Анализируя богатый фактический материал, историк приходит к заключению, что отношения между членами «большой тройки» колебались в зависимости от хода дискуссий.

Проблема организации союзниками второго фронта в Европе с самого начала германской агрессии по отношению к Советскому Союзу являлась одной из основополагающих и наиболее острых тем в переписке и дискуссиях между И. В. Сталиным, Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем.

Для главы советского правительства в период 1941–1944 гг. решение именно данного вопроса имело первостепенную важность. От того, насколько быстро партнеры СССР по антигитлеровской коалиции осознавали необходимость удовлетворить многочисленные просьбы и требования И. В. Сталина о высадке крупного десанта на французском побережье, напрямую зависела степень их взаимного доверия. Главной проблемой для каждой из сторон являлось поддержание своеобразного баланса между необходимостью укрепления военно-стратегического сотрудничества в борьбе с Гитлером и геополитическими интересами стран в послевоенные годы. Соблюдение последних подчас требовало, прежде всего, от Ф. Рузвельта, У. Черчилля и их преемников действий, направленных на «сдерживание» Советского Союза и недопущение распространения его политического влияния на европейском континенте.

Проблема второго фронта трудно и сложно решалась с самого начала германской агрессии против СССР. Впервые этот вопрос был поднят в личном послании И. В. Сталина, направленном 18 июля 1941 г. премьер-министру Великобритании У. Черчиллю⁷, в котором содержалось предложение создать фронты против Гитлера в Северной Франции и Арктике. Глава британского кабинета министров отклонил советское предложение, ссылаясь на недостаток имеющихся у Великобритании сил и угрозу неминуемого, по его словам, «кровопролитного поражения десанта».

В сентябре 1941 г., ввиду по-прежнему высоких темпов немецкого наступления, Председатель Совнаркома СССР в личных посланиях У. Черчиллю от 3 и 13 сентября вновь вернулся к обсуждению этой темы. Указывая на колоссальные силы, задействованные противником на Восточном фронте, И. В. Сталин утверждал, что данное обстоятельство выступало свидетельством уверенности Гитлера и его штаба в невозможности в ближайшее время крупного контрнаступления союзников на Западе. В тот период речь шла, впрочем, лишь о проведении операции ограниченных масштабов с целью помощи СССР. Так, член британского военного кабинета лорд Бивербрук в свою очередь полагал, что для десанта английских войск открыто около 2 тыс. миль побережья.

В то же время разработка штабом армии США стратегического плана, который предусматривал расположение на территории Великобритании военного контингента с целью вторжения в Нормандию, была произведена уже в начале 1942 г., после объявления Соединенными Штатами войны Германии.

Этот план был обсужден 1 апреля 1942 г. на совещании в Белом доме и одобрен лично Ф. Рузвельтом, который придавал ему большое стратегическое и политическое значение. Он считал необходимым дать заверение советскому союзнику в вопросе о втором фронте в связи с новым готовящимся наступлением армий Вермахта на Восточном фронте. План учитывал также и общественное мнение в США, в котором превалировало стремление к открытию второго фронта на европейском континенте. Кроме того, в преддверии предстоящих в конце 1942 г. выборов в Конгресс, этот фактор имел немаловажное значение для демократической партии, к которой принадлежал действующий глава государства и верховный главнокомандующий.

Принятие данного плана президентом было обусловлено, прежде всего, его оценкой СССР как могущественного военного союзника для разгрома не только Германии, но впоследствии — и Японии. Он рассчитывал на активное советское участие в боевых действиях на тихоокеанском фронте⁸. Также Ф. Рузвельт в полной мере осознавал всю важность открытия второго фронта для Советского Союза, принявшего на себя основную тяжесть удара агрессора. Американский лидер не без оснований полагал, что мера эта, с одной стороны, поможет установить более прочный дипломатический контакт с руководством СССР и лично со И. В. Сталиным, а с другой — добиться от него уступок по ряду «хронически» спорных вопросов. Уже тогда на высшем уровне союзниками активно обсуждались: позиция Атлантических держав в вопросе о советских границах, де-факто установленных пактом Молотова–Риббентропа; предполагаемое устройство и политическая ориентация пострадавших от нападения гитлеровской Германии стран в послевоенной Европе.

В послании У. Черчиллю, датированном 3 апреля 1942 г., Ф. Рузвельт настаивал на необходимости открытия второго фронта, указывая на его несомненную выгоду для Атлантических держав, даже если операция «не завершится полным успехом». Президент одновременно подчеркивал, что высадку не следует откладывать до весны вследствие возможного ухудшения погодных условий.

С целью проведения оперативных консультаций по вопросу об открытии второго фронта, президент США, подчеркнув невозможность личной встречи с И. В. Сталиным, в личном послании от 12 апреля 1942 г. предложил ему направить с официальным визитом в Вашингтон В. М. Молотова в сопровождении «доверенного генерала»⁹. Он отметил особую важность скорейшего принятия решений, касающихся стратегического направления совместной военной акции. Почти одновременно, 8 апреля Г. Гопкинс и Д. Маршалл посетили Лондон с целью детального обсуждения проекта высадки десанта союзников через Ла-Манш.

В это время атмосфера внутри коалиции оставалась крайне напряженной, что было обусловлено наличием конфликта между СССР и Великобританией, вызванным, главным образом, неясностью вопроса о советских границах и территориальных притязаниях.

Тем не менее, после недельной паузы, взятой на размышление, И. В. Сталин ответил согласием на предложение президента, а также сообщил о своем желании

направить тех же эмиссаров в Лондон для проведения аналогичных консультаций с английским правительством, о чем сообщил У. Черчиллю 22 апреля¹⁰. И. В. Сталин мотивировал свое решение также недовольством советского правительства текстами предложенных Великобританией проектов военного и политического договоров с Советским Союзом, которые обсуждались, начиная с декабря 1941 г., когда Москву, находящуюся в эпицентре боевых действий, посетила британская дипломатическая миссия. Председатель СНК СССР утверждал, что существующие в двусторонних отношениях между государствами противоречия сложно разрешить посредством дальнейшей переписки, и настаивал на проведении личных переговоров по вопросам, «тормозящим подписание договоров».

В связи с этим, очевидной на тот момент представляется значительная степень недоверия И. В. Сталина по отношению к декларируемым политическими лидерами союзных держав заверениям. Визиты В. М. Молотова в Лондон и Вашингтон должны были, в частности, обеспечить фиксацию договоренностей об открытии вооруженными силами Великобритании и США второго фронта в Западной Европе уже в 1942 г. Кроме того, предварительные консультации по этой проблеме наркома иностранных дел в британской столице и предполагаемое согласие Англии на проведение операции, по всей видимости, должно было способствовать более продуктивному течению переговоров В. М. Молотова в Соединенных Штатах.

Советская делегация находилась в Лондоне с 21 по 26 мая. В ходе дискуссий У. Черчилль не давал четкого ответа на вопрос — когда именно союзники планируют начать наступление, будет ли главная инициатива в его осуществлении исходить от Великобритании или же от США. В личном послании И. В. Сталину от 24 мая 1942 г. премьер-министр отметил плодотворность своих бесед с В. М. Молотовым как по военным, так и политическим вопросам, и предложил тому повторно посетить Великобританию, уже после визита в Вашингтон. И. В. Сталин ответил на это предложение согласием. Тем не менее, как известно, уже 26 мая в Лондоне был подписан договор о союзе в войне против гитлеровской Германии между СССР и Великобританией, а также о сотрудничестве и взаимной помощи в послевоенные годы, что, с одной стороны, явилось одним из ключевых и рубежных моментов на пути к формированию между державами полноценной военно-политической коалиции, но с другой — лишь отсрочило столкновение интересов Англии и Советского Союза по ряду наиболее остро обсуждаемых в течение войны проблем, в том числе и по вопросу о скорейшем открытии союзниками второго фронта в Европе.

Стоит отметить, что еще в декабре 1941 г. на конференции в Вашингтоне У. Черчилль активно продвигал проект совместной англо-американской операции во Французской Северной Африке. Его реализация, в сущности, сводила вероятность наступления союзников через Ла-Манш к нулю. Это, в свою очередь, неминуемо приводило к обострению напряженности в отношениях между Великобританией и Советским Союзом, руководство которого с первых же дней Великой Отечественной войны настаивало на выступлении Атлантических держав именно в рамках европейского театра военных действий¹¹.

По состоянию на конец марта 1942 г. военным штабом Соединенных Штатов Америки была разработана совершенно иная стратегия, предусматривающая скорейшее проведение широкомасштабной наступательной операции через Ла-

Манш, а «задачей максимум» декларировалось успешное завершение всей военной кампании осенью 1942 г.¹² Начальник генерального штаба Д. Маршалл выражал сомнение в том, что СССР сумеет вторично отразить германскую агрессию самостоятельно, и полагал, что уверенное продвижение армий Вермахта на Восточном фронте позволит противнику не только прочно захватить стратегическую инициативу, но и сохранить значительные резервы для того, чтобы в будущем отразить наступление союзников на Западе¹³.

Однако этот план встретил решительное противодействие со стороны правящих кругов Великобритании, с территории которой и предполагалось начать осуществление операции. Главным образом, британский штаб и лично У. Черчилль опасались, что противнику удастся успешно противостоять новому фронту, а это могло привести к изнурительной позиционной войне. В июне премьер-министр подчеркнул, что высадка во Франции в любом случае, с его точки зрения, не будет иметь смысла, пока для Германии не ухудшится положение дел на Востоке. И в дальнейшем, в переговорах как с американской, так и советской стороной, У. Черчилль многократно подчеркивал, что операция «Джимнаст» (наступление в Северной Африке) является наиболее ценной помощью Советскому Союзу, и что именно ее осуществление создаст тот самый второй фронт, который целесообразно создать в 1942 г. В личном послании Ф. Рузвельту от 27 мая премьер Великобритании также акцентировал внимание президента США на том, что союзным войскам уже противостоят 44 немецкие дивизии на иных театрах военных действий, и, с его точки зрения, отвлечение с восточного фронта значительных сил противника — сложно осуществимая задача.

Именно данный момент можно считать одним из основных факторов, предопределивших более позитивное и доверительное отношение И. В. Сталина к руководству Соединенных Штатов Америки и лично к президенту Рузвельту в годы войны. И это несмотря на то, что Великобритания первой предложила свою помощь, когда СССР подвергся нападению со стороны Германии, а военные и продовольственные поставки из США в Советский Союз были обычно менее надежны и своевременны, нежели английские, и, к тому же, уступали им в количественном отношении. Также в формировании позитивного восприятия И. В. Сталиным, В. М. Молотовым и других представителей советской политической элиты Соединенных Штатов в качестве более надежного союзника немаловажную роль сыграла консолидация политических сил внутри США по вопросу о решительной борьбе до победного конца с державами «оси».

В частности, лидер республиканской партии, одновременно личный представитель Ф. Рузвельта и его предполагаемый оппонент на президентских выборах, У. Уилки посетил Москву с официальным визитом в самый разгар немецкого наступления — в сентябре 1942 г. На американского политика И. В. Сталин произвел впечатление «жесткого, но очень способного человека», который, оказавшись он в США, «был бы очень сильным конкурентом на выборах»¹⁴. На советского лидера У. Уилки в свою очередь произвел благоприятное впечатление. Симптоматично, что лидер республиканцев, еще находясь в Москве, решил сделать заявление, как для советских, так и иностранных средств массовой информации, в котором подчеркнул, что лучшей помощью союзнику со стороны Соединенных Штатов будет, несомненно, открытие в кратчайшие сроки реального второго фронта в Европе¹⁵.

Задолго до этого, 29 мая в Вашингтоне состоялась беседа между Ф. Рузвельтом и В. М. Молотовым, на которой советский представитель напрямую обратился к президенту с вопросом, намерены ли Соединенные Штаты открыть второй фронт в 1942 г., который мог бы оттянуть с Востока порядка 40 дивизий противника. После консультаций с Д. Маршаллом, подтвердившим подготовку американцами высадки во Франции, Ф. Рузвельт порекомендовал наркому иностранных дел СССР доложить И. В. Сталину о своем намерении открыть второй фронт в 1942 г., однако, не уточнил, где именно он будет располагаться. Одновременно президент подчеркнул, что в случае, если советское правительство будет готово пойти на снижение количества американских поставок по ленд-лизу — это заметно упростит США подготовку к проведению десантной операции. В. М. Молотов встретил это предложение без особого энтузиазма, а его вопрос: «Что будет, если поставки союзников в СССР сократятся, а второй фронт так и не будет открыт?»¹⁶, — свидетельствует о довольно высокой доле скептицизма в отношении планов и заверений американской стороны. Хотя, по свидетельству американского посла в Советском Союзе адмирала У. Стэндли, находясь в Вашингтоне, глава НКВД СССР фактически поверил в полномасштабное достижение главной цели своего визита, поскольку говорил, что 1943 г. наверняка поставит точку в истории Второй мировой войны.

Однако дальнейшие переговоры В. М. Молотова, и в Вашингтоне, и во время его повторного визита в Великобританию, вступили в фазу как дипломатического, так и во многом личного противостояния политических лидеров стран, входящих в антигитлеровскую коалицию. Представители Атлантических держав стремились любой ценой не допустить повторного охлаждения в отношениях с Советским Союзом, но при этом настойчиво отказывались брать на себя конкретные обязательства по скорейшему открытию второго фронта на европейском континенте. Но на последнем неуклонно продолжал настаивать от лица советского правительства В. М. Молотов, утверждая, что наибольшую выгоду не только для СССР, но и для его союзников, принесет именно высадка во Франции — вероятный разгром Советского Союза, в случае отсутствия «реального» второго фронта в 1942 г., неминуемо поставил бы в крайне затруднительное положение и его союзников.

Тем не менее, в результате сложных и напряженных переговоров В. М. Молотова с У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом было принято решение о создании второго фронта в 1942 г., о чем было заявлено в англо-советском и советско-американском коммюнике¹⁷. Правда, предполагаемая операция «Следжхаммер» предусматривала высадку на французском побережье всего 8–10 англо-американских дивизий. В докладе И. В. Сталину народный комиссар иностранных дел замечал, что первоочередной задачей советского правительства является «втягивание» Атлантических держав в наступательную операцию как таковую на европейском континенте.

Но до «полного взаимопонимания относительно неотложных задач, связанных с открытием в Европе второго фронта в 1942 году», о достижении которого было заявлено в текстах обоих коммюнике, на деле было еще очень далеко.

Прежде всего, следует отметить заметное обострение в июне – июле 1942 г. англо-американских отношений: успехи африканского корпуса Роммеля недвусмысленно подсказывали союзникам необходимость реализовать британский

проект «реального второго фронта» — об этом заявил и У. Черчилль в личном послании Ф. Рузвельту от 8 июля.

В ответ президент Соединенных Штатов Америки дал указание своим представителям во главе с Д. Маршаллом на переговорах, состоявшихся в Лондоне, решительно отстаивать прежнюю позицию, подвергая критике инициативы британского кабинета министров. Однако, встретив столь же решительный отпор со стороны Великобритании, Ф. Рузвельт предпочел не усугублять конфронтацию и потребовал от участников переговорного процесса с американской стороны согласия на проведение в 1942 г. операции «Торч» в Северной Африке.

В начале августа У. Черчилль прибыл в Москву с миссией, которая заведомо дискредитировала Великобританию и его лично в глазах И. В. Сталина, советского правительства и общественного мнения. Ему предстояло довести до сведения руководства СССР о принятых на консультациях с американскими представителями решениях о невозможности открытия союзниками второго фронта в Европе в сентябре 1942 г. Сентябрь назывался крайним сроком для начала операции «Следжхаммер», так как в дальнейшем ее осуществление было бы существенно затруднено погодными условиями. Участие американских представителей в переговорах изначально не планировалось, но, в результате согласования этого вопроса между У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом, в обсуждениях принял участие личный представитель президента США А. Гарриман.

13 августа И. В. Сталин вручил им официальный меморандум, в котором снова отмечалось, что именно 1942 г. представляет наиболее благоприятные условия союзникам для создания второго фронта в Европе, так как лучшие силы противника заняты в развертывание новых наступательных операций на Востоке. У. Черчилль заявил об отказе Великобритании открыть второй фронт в 1942 г. вопреки прежним договоренностям, но заверил советскую сторону в том, что широкое вторжение на континент осуществится весной 1943 г. Это заявление премьер-министра было поддержано и А. Гарриманом. У. Черчилль акцентировал внимание советской стороны также на факте неудачной высадки ограниченного морского десанта союзников в районе города Дьешп. Многие исследователи полагают, что сама идея этой операции, задуманной У. Черчиллем, сводилась к тому, чтобы у И. В. Сталина сложилось впечатление, с одной стороны, о готовности Атлантических держав к проведению военных операций на европейском континенте, а с другой — о реальной опасности и временной нецелесообразности подобных действий.

В дальнейших беседах между И. В. Сталиным и У. Черчиллем обстановка по ходу дискуссий о проблеме второго фронта продолжала накаляться. Председатель Совнаркома СССР особо акцентировал внимание визитеров на тяжелом положении Красной Армии и серьезных коррективах, которые необходимо будет вносить в планирование осенней военной кампании в том случае, если высадка десанта союзников на французском побережье не осуществится. Одновременно И. В. Сталин выразил свое недовольство количеством и качеством британских поставок в советские порты. В итоге, У. Черчилль заявил, что, с его точки зрения, между лидерами двух союзных держав нет даже намек на дружеские отношения. И хотя 15 августа, в последний день пребывания премьер-министра Великобритании в Москве, политикам удалось вернуть диалог в русло внешне товарищеской беседы, но вновь установить доверительность во взаимоотношениях У. Черчиллю и И. В. Сталину было фактически невозможно. Одновре-

менно был поставлен крест на надеждах руководства Советского Союза относительно создания его союзниками второго фронта на европейском континенте в 1942 г. Британский генерал А. Уэйвелл в свою очередь отразил суть и атмосферу этого своеобразного противостояния в балладе под названием «Не будет второго фронта в 1942 году»¹⁸.

По всей видимости, наиболее точное определение этим переговорам и мотивировку поведения И. В. Сталина во время бесед дал в своем дневнике А. Гарриман, не без оснований полагавший, что советский лидер не мог извинить отсутствие второго фронта, но не захотел, чтобы У. Черчилль уехал в «недружественном расположении духа». В стратегическом отношении провоцирование кризиса в советско-английских отношениях действительно наносило значительно больший урон Советскому Союзу, вынужденному противостоять широкомасштабному наступлению армий Вермахта в направлении Сталинграда и Северного Кавказа.

В Соединенных Штатах, в свою очередь, активно прорабатывались стратегические планы, которые могли быть реализованы в случае, если СССР не смог бы выстоять. Обсуждения проходили на фоне обнародованного американскими дипломатами, посетившими Москву вместе с У. Уилки, сообщения о крайне негативном отношении советских лидеров к Великобритании и проводимой ею политике. В частности, И. В. Сталин сообщал в Лондон И. М. Майскому о том, что в Москве создавалось впечатление, будто У. Черчилль в действительности рассчитывает на поражение СССР в войне и готов в этом случае вступить в переговоры с А. Гитлером¹⁹. Это доказывает, что, с одной стороны, правительство и военный штаб США объективно оценивали положение дел на восточном фронте в августе – сентябре 1942 г., но, с другой, М. М. Литвинов полагал, что затягивание американцами открытия второго фронта также означает их стремление к максимальному изматыванию Советского Союза с целью уменьшения его роли в разрешении послевоенных проблем. Все это дает нам основания предполагать, что при всех существовавших противоречиях между военными советниками и политическими лидерами США и Великобритании в 1942 г. им удалось добиться значительно лучшего взаимопонимания по ключевым внешнеполитическим вопросам, и, в конечном итоге, обе державы преследовали сходные цели в политике по отношению к Советскому Союзу.

1943 г. по праву считается переломным в истории Второй мировой войны. Советский Союз одержал окончательную победу в грандиозной Сталинградской битве, а союзникам удалось сломить сопротивление крупной группировки германо-итальянских вооруженных сил в Северной Африке.

Вопрос об открытии США и Великобританией второго фронта в Европе по-прежнему не утрачивал своей актуальности (союзники опять же имели на этот счет взятые на себя обязательства), однако, в очередной раз был актуализирован целый ряд сдерживающих факторов. Во-первых, еще на стадии планирования операции «Торч» британским и американским генералитетом высказывались предположения, что ее осуществление автоматически будет означать перенос крупномасштабной десантной операции через Ла-Манш не на 1943, а на 1944 г.²⁰, о чем, в частности, был осведомлен У. Черчилль еще во время проведения переговоров с И. В. Сталиным в августе 1942 г. При этом, наименее заинтересованы в проведении десантной операции через Ла-Манш были Соединенные Штаты Америки ввиду неожиданно возникших для их «африканского» военного кон-

тингента трудностей в период проведения операции «Торч». У. Черчилль, в свою очередь, замечал, что отказ от начала активных боевых действий в Европе станет «страшным ударом» для И. В. Сталина, отметив, что посол И. М. Майский уже запрашивал правительство Великобритании о его планах по осуществлению обещанного в августе 1942 г. весеннего наступления союзников.

Действительно, советский лидер еще осенью 1942 г. задавался вопросом: каким образом немцам удалось консолидировать все свои силы и резервы, переправив их на восточный фронт. И приходил к естественному заключению, что этому как ничто другое способствовало отсутствие второго фронта в Европе, предоставившее противнику возможность осуществлять широкомасштабные наступательные операции против СССР безо всякого риска быть атакованными с Запада. В советской периодической печати, всецело подконтрольной партии и правительству, стали появляться, в частности, карикатуры, высмеивающие нерешительность и «осмотрительность» партнеров по антигитлеровской коалиции в данном аспекте. Причем в противовес «осторожности» британских политиков и лично У. Черчилля изначально приводились американские сторонники скорейшей высадки крупного десанта союзников в Европе.

Интересно, что вскоре после возвращения премьер-министра Великобритании на родину, Ф. Рузвельт предложил советскому лидеру встретиться для проведения двусторонних переговоров, без участия английских представителей. Таким образом, президент, вероятно, стремился поддержать веру И. В. Сталина в продуктивность дальнейшего сотрудничества Соединенных Штатов Америки и Советского Союза, намереваясь частично сгладить негативную реакцию СССР на отрицательное решение вопроса о проведении союзниками операции «Следжхаммер» в 1942 г.²¹ Стоит также отметить тот факт, что Ф. Рузвельт никогда не встречался с И. В. Сталиным лично — и, как следствие, оба лидера не могли сформировать полноценного субъективного мнения друг о друге. В свою очередь У. Черчилль приложил максимум усилий для того, чтобы сорвать прямые американско-советские переговоры на высшем уровне.

Встреча не состоялась, а очередная англо-американская конференция в Касабланке показала, что вероятность скорого осуществления союзниками наступательных операций в Европе крайне невелика. Хотя на прямой вопрос И. В. Сталина в личном послании У. Черчиллю и Ф. Рузвельту о сроках проведения операции²² премьер-министром Великобритании был дан вполне определенный ответ: она была запланирована на август — сентябрь. А в личном послании от 22 февраля 1943 г. Ф. Рузвельт заверял И. В. Сталина, что сразу же после успешного завершения «туниской кампании» военные усилия США будут направлены на осуществление операции по высадке на европейский континент.

Стоит отметить, что оба лидера Атлантических держав и, в особенности, Ф. Рузвельт настоятельно советовали лично И. В. Сталину принять участие в данной конференции. Опыт предшествующих этой встрече переговоров, несомненно, убеждал их в том, что посредством межличностной коммуникации на высшем уровне обсуждение наиболее трудно решаемых проблем становится гораздо более продуктивным. Однако И. В. Сталин не откликнулся на предложение коллег, мотивировав свое решение объективной невозможностью покинуть Советский Союз в тот момент даже на один день. Также он отмечал, что одновременно не видит особой необходимости в подобной встрече, так как по

ключевому вопросу (об открытии союзниками второго фронта в Европе), с его точки зрения, США и Великобритания и так должны были уже начать выполнение данных ими обещаний.

История в значительной мере повторялась: в преддверии очередного летнего наступления противника союзники заявили о переносе сроков открытия второго фронта, параллельно сокращая поставки военной техники Советскому Союзу.

По прошествии весны 1943 г. позиции союзников по вопросам стратегического планирования вернулись на прежние рубежи. У. Черчилль продолжал настаивать на дальнейших операциях, проводимых на второстепенных театрах военных действий: в частности, на конференции «Трайден» премьер-министр Великобритании предлагал развивать наступление англо-американских вооруженных сил в районе Средиземноморья и Балкан²³.

Американцы, в свою очередь, по-прежнему уделяли основное внимание подготовке операции форсирования Ла-Манша, и хотя де-факто они признавали, что ее осуществление будет возможно начать только весной 1944 г., Д. Маршалл требовал определения конкретных сроков. Ф. Рузвельт понимал, сколь негативную реакцию И. В. Сталина и советского правительства вызовут новые проволочки в решение ключевого для СССР военно-стратегического вопроса и, чтобы не допустить повторения кризисных моментов, едва не прервавших деятельность антигитлеровской коалиции в 1942 г., стремился вновь наладить как дипломатический, так и свой личный контакт с советскими руководителями. Момент для этого был выбран удачный. В ожидании новой наступательной операции армий Вермахта глава правительства СССР вполне мог согласиться на личную, конфиденциальную встречу с президентом, тем более что ее планировалось осуществить без участия каких-либо представителей Великобритании.

Эта беседа так и не состоялась, а вскоре стало очевидно, что все возможности для установления более доверительных взаимоотношений между союзниками вновь стали неосуществимыми. У. Черчилль и Ф. Рузвельт, после длительных консультаций, направили Председателю СНК СССР личное послание, в котором обосновывалась необходимость новой отсрочки проведения десантной операции через Ла-Манш. Одновременно, У. Черчилль предпринимал все усилия для того, чтобы не допустить предполагаемой встречи между И. В. Сталиным и Ф. Рузвельтом. Это свидетельствует о наличии чувства серьезной тревоги у главы британского кабинета министров, а также о том, что он считал вполне вероятным заключение принципиального соглашения о высадке союзных войск во Франции в рамках двусторонних переговоров. Заметим, что при всех существовавших разногласиях итоговые позиции Соединенных Штатов по основным стратегическим вопросам в период Великой Отечественной войны фактически никогда кардинально не расходились с британскими.

11 июня 1943 г. И. В. Сталин повторно выразил свое неудовольствие очередной отсрочкой в решении вопроса формирования второго фронта и подчеркнул, что советское правительство не считает для себя возможным присоединиться к такому решению, принятому без его участия и без попытки совместно обсудить этот вопрос. Разумеется, дискуссии снова велись на повышенных тонах, а уровень доверия советского правительства к заверениям союзников постепенно снизился до нулевой отметки. Кроме того, И. В. Сталин обращал внимание на то обстоятельство, что отныне Ф. Рузвельт и У. Черчилль все чаще стали делать

совместные заявления, несущие крайне безрадостную информацию, которая вынуждала СССР и дальше рассчитывать исключительно на свои силы. Отсюда и происходит версия, неоднократно озвученная политическими руководителями СССР и отечественными средствами массовой информации, согласно которой США и Великобритания проводили в своей внешней политике единую линию, направленную де-факто против союзника.

Последующий обмен посланиями еще сильнее накалил обстановку — Атлантические державы более не располагали убедительными доводами, которые могли бы оправдать задержку с открытием второго фронта в глазах советского правительства и лично И. В. Сталина, который подчеркивал, что речь идет уже не просто о глубоком разочаровании, а о сохранении Советским Союзом доверия к союзникам, которое подвергается тяжелым испытаниям²⁴. Р. Шервуд, в частности, сравнивает сложившуюся на тот момент обстановку в коалиции с августом 1939 г. накануне подписания Советским Союзом и Германией пакта Молотова–Риббентропа.

Московская конференция, на которой главными действующими лицами были министры иностранных дел Великобритании, СССР и США, также не расставила всех точек над «i» в отношении сроков начала союзниками наступательной операции в Европе, однако, она позволила подготовить почву для личной встречи глав трех государств, которая и состоялась 28 ноября — 1 декабря 1943 г. в Тегеране. Стоит отметить, что на этом городе в качестве места проведения трехсторонних переговоров на высшем уровне решительно настаивал И. В. Сталин.

Решения Тегеранской конференции, в конечном итоге, способствовали формированию условий, необходимых для успешного разрешения основной стратегической задачи — скорейшего разгрома главного из общих противников. Принципиальная договоренность о сроках и деталях проведения операции «Оверлорд» в 1944 г. была, наконец, достигнута. Во многом этому решению способствовало заявление советского лидера о готовности СССР сразу же после капитуляции Германии активно выступить на тихоокеанском фронте. Хотя, в частности, И. М. Майский предлагал оставить разгром милитаристской Японии союзникам, что, с его точки зрения, несколько не повлияло бы на шансы Советского Союза установить по окончании войны свой контроль над Южным Сахалином и Курильскими островами. Одновременно, подобный демарш позволил бы нашей стране «реваншироваться» за многолетнюю неопределенность в позиции союзников по вопросу о втором фронте на европейском континенте²⁵.

Отмечая прочие положительные итоги Тегеранской конференции, возглавивший посольство Соединенных Штатов в СССР А. Гарриман называл чрезвычайно важным установление личного контакта между И. В. Сталиным и Ф. Рузвельтом. Более того, ему показалось, что советский лидер общался с президентом не только с большим уважением, но даже с изрядной симпатией к собеседнику, а взгляды американской стороны импонировали ему гораздо в большей степени, нежели позиции Великобритании и лично У. Черчилля²⁶.

В то же время, следует отметить, что, возможно, поворотным моментом в принятии союзниками исторического решения о проведении крупномасштабной десантной операции в Нормандии в 1944 г. стали текущие успехи Красной Армии на восточном фронте: перенесение активных боевых действий за пределы Советского Союза при одновременном продолжении собственной политики невме-

шательства в военные операции на европейском континенте не отвечало стратегическим интересам США и Великобритании. Ситуация, при которой Германия была бы вынуждена капитулировать, будучи не в силах отразить наступление советских армий, становилась все более реальной. Кроме того, озвучиваемая советскими руководителями позиция по вопросу о послевоенном устройстве Европы также стимулировала Атлантические державы именно к такому сценарию развития военной кампании.

Операция под кодовым названием «Оверлорд», начавшаяся 6 июня 1944 г., несомненно, приблизила завершение Второй мировой войны. Стоит отметить, что именно на первые месяцы, прошедшие с момента высадки союзных армий в Нормандии, пришелся период наиболее доверительных отношений между державами, входящими в антигитлеровскую коалицию, несмотря на то, что с точки зрения советского правительства эта мера была отнюдь не своевременной. Так, в американской периодической печати заметно увеличилось количество публикаций о СССР, а И. В. Сталин и вовсе стал одной из наиболее популярных фигур и главным героем множества журналистских авторских материалов²⁷. С большим воодушевлением был воспринят факт открытия второго фронта и в советском обществе.

Таким образом, мы можем констатировать, что, не взирая на ряд существовавших между, главным образом, военными советниками Великобритании и США противоречий в течение 1941–1943 гг., им удалось в конечном итоге выработать консолидированную позицию по вопросу о создании второго фронта в Европе. Ф. Рузвельт и У. Черчилль в конце концов пришли к заключению, что Советский Союз, с одной стороны, не пойдет на повторное сближение с Германией, а с другой — его вооруженные силы и военно-промышленный потенциал позволит СССР длительное время удерживать значительные силы Вермахта на восточном фронте. Лидеры Атлантических держав по мере развития событий во Второй мировой войне все отчетливее понимали, что несмотря на необходимость и важность поддержания хотя бы видимости партнерских, союзнических отношений с Советским Союзом в целом и непосредственно со И. В. Сталиным, они способны навязывать в обсуждениях одного из ключевых военно-стратегических вопросов свои условия советской стороне. СССР принимал на себя главный удар противника и потому не имел достаточно весомых аргументов, чтобы принудить союзников к столь необходимому стране открытию второго фронта в Европе. К тому же, Советский Союз в значительной мере зависел от выполняемых Соединенными Штатами и Великобританией поставок военной техники, сырья и продовольствия, что делало невыгодным крайнее обострение отношений с политическими лидерами союзников.

Одновременно степень доверия И. В. Сталина, советского правительства и народа к заверениям, обещаниям и даже официальным обязательствам западных союзников неуклонно снижалась. Если во время визита В. М. Молотова в Лондон и Вашингтон его цель — склонить политических лидеров США и Великобритании к проведению десантной операции через Ла-Манш — называлась трудно достижимой, но вполне осуществимой с прицелом хотя бы на 1943 г., а ее отсутствие к концу лета 1942 г. едва не привело к по-настоящему серьезной конфронтации, по меньшей мере, между Председателем Совнаркома СССР и У. Черчиллем, то в дальнейшем И. В. Сталин воспринимал новые отсрочки вы-

садки хотя и подчас с осуждением и даже негодованием, но все же как данность, и предпочитал искать с партнерами по коалиции иные формы взаимодействия и компромисса.

Примечания

- 1 *Иванов Р. Ф.* Сталин и союзники, 1941–1945. Смоленск, 2000; *Мальков В. Л.* Франклин Рузвельт: проблемы внутренней политики и дипломатии. М., 1988; Россия в 20 веке. Война 1941–1945 годов: современные подходы. М., 2005.
- 2 *Голубев А. В.* «Враги второй очереди»: советское общество и образ союзников в годы Великой Отечественной войны // Проблемы российской истории. Вып. 5. Магнитогорск, 2005. С. 320–359.
- 3 Государственный секретарь США в 1973–1977 гг. Лауреат Нобелевской премии мира.
- 4 *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997.
- 5 Там же. С. 289.
- 6 *Фейс Г.* Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились. М., 2003.
- 7 Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1976. Т. 1. С. 18.
- 8 *Хастингс М.* Операция «Оверлорд»: Как был открыт второй фронт. М., 1989. С. 14.
- 9 Переписка Председателя Совета Министров СССР... Т. 2. С. 19.
- 10 Там же. Т. 1. С. 55.
- 11 Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1983. Т. 1 С. 37.
- 12 *Кеннан Д.* Дипломатия второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002. С. 248.
- 13 *Фейс Г.* Указ. соч. С. 53.
- 14 *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: документальные очерки. М., 2006. С. 80.
- 15 Известия. 1942. 27 сентября.
- 16 *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 57.
- 17 Советско-американские отношения. 1939–1945. М., 2004. С. 274–276.
- 18 *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 64.
- 19 Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 294.
- 20 *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. М., 1980. С. 106.
- 21 *Ржешевский О. А.* Война и дипломатия. М., 1997. С. 206.
- 22 Переписка Председателя Совета Министров СССР... Т. 1. С. 108.
- 23 *Фейс Г.* Указ. соч. С. 94.
- 24 Там же. С. 159.
- 25 *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 243.
- 26 *Борисов А. Ю.* СССР и США: Союзники в годы войны. 1941–1945. М., 1983. С. 56.
- 27 *Позняков В. В.* Американское общественное мнение и проблема сотрудничества СССР и Соединенных Штатов. М., 1991. С. 109.